

КОММУНАРСТВО: ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА (к 75-летию И.П. Иванова)

Е. БЕЛЯКОВ

Игорю Иванову 5 ноября исполнилось бы 75 лет. Исполнилось бы. В Петербурге прошел съезд его последователей, и странно было видеть седую бороду Ричарда Соколова, серебряные волосы Надежды Царевой и других «старых коммунаров», но среди них не мелькала в самой гуще светло-зеленая гимнастерочка Игоря Петровича...

Все-таки время дает себя знать. Время имеет кроме текучести еще интересное свойство – ставить все на голову. А мы, оставаясь теми же, плывя в его волнах старым стилем, рискуем оказаться не просто старыми, это еще как-нибудь пережить смогли бы, а устаревшими, что намного хуже. Я все это говорю к тому, что никак не удается нам взглянуть на Иванова и его наследство как на истинное прошлое (и через это осознать его актуальность и ценность, и жизнь). А ведь коммунарское движение конца пятидесятых – начала шестидесятых годов – это прошлое. И даже движение макаренковских педагогических отрядов семидесятых годов тоже прошлое. Между ними и нами нынешними прошел важнейший исторический рубеж. Жаль, многие не хотят упорно признавать, что на дворе другой воздух, другое тысячелетие.

Из выступлений участников съезда

Надежда Игнатьевна Сафонова,

г. Красноярск:

– Я за 5 тысяч километров ехала. Мучилась я с начала перестройки двумя вопроса-

ми. Первое, это идеология, методология коммунарской методики. Она целостная. Если из нее какой-то кирпичик убрать, она вся разрушится. В методологии Игоря Петровича, конечно, есть идеология. Мы все ее прекрасно знаем, это забота о Родине, о товарищах, о близких... А у государства никакой заботы нет, в жизни – там сейчас – что? Коррупция, бандитизм, воровство – совершенно другие ценности. Как эта методика наша и жизненная ситуация, которая сегодня сложилась, как это все совместить? Второй вопрос. Не предаем ли мы идей Игоря Петровича? Вот что меня волнует. Не уходим ли мы вообще от реальности? Не замыкаемся ли, говорим про коллективные творческие дела, которые неплохо, конечно, получаются, но как связать все это с реальной жизнью?

Скажут – нехарактерное выступление. Возможно, но много ли было на съезде тех, кто за 5 тысяч километров приехал, мучаясь «вопросами»? Нельзя не уважать такого человека. А между тем проблема-то поставлена очень четко: действительно невозможно перетащить Игоря Иванова из недавнего (но, с другой стороны, бесконечно далекого) времени без нарушения его «целостности». Увы. А если часть идей объявить устаревшими, то не предаем ли мы идей Игоря Петровича?

И что интересно – почти те же вопросы можно задать по отношению практически к любому выдающемуся педагогу бывшего Союза: к Сухомлинскому, Макаренко, Шацкому... Но не существует Колонии им.

Горького и Коммуны им. Дзержинского. Не существует прямых учеников и последователей Шацкого и так далее. А мы, воспитанники и последователи Иванова, пока еще живем, и некоторые еще не стали другими.

А писатели великие устаревают или нет? Лев Толстой? Софокл? Нет, а почему? Да потому что люди, которые их книги читают, находят там проблемы, созвучные их временам, их современности. А на все несозвучное просто не обращают внимание. И когда наследство какого-нибудь крупного мыслителя или педагога уходит в прошлое – нам неважно, что оно принадлежит другому времени: важен тот вневременной инвариант, который для нас.

В этой ситуации что важно? Найти то главное, что составляет суть «ивановства», и от чего отказываться нельзя ни в коем случае. И попытаться осмыслить ЭТО ГЛАВНОЕ в ракурсе современных условий и проблем. Отделить первичное от вторичного и исторически обусловленного. Я приехала на съезд (оказавшийся, впрочем, скорее научно-практической конференцией по жанру) со своим видением этого главного, ожидая, что состоится глубокий и проблемный разговор о том, как «прошлое» должно видаться в «настоящем». Взамен я услышала много о «педагогике будущего в настоящем» – словосочетании, подходяще звучащем разве что в начале шестидесятых, но странно смотрящееся теперь, когда будущее неопределенно и скорее всего печально. Времена смешались, но мы же не можем по-настоящему попасть в прошлое, нет у нас такой машины времени.

Так вот о главном в «ивановстве». Мне думается, это особый СУБЪЕКТНЫЙ взгляд на окружающих (да и всех вообще) людей, когда ты признаешь их людьми, встаешь на их точку зрения не умом только, а как бы реальной позицией в общении с ними. «Забота», о которой сейчас прожужжали уши, говоря о концепции Иванова, это просто внешнее выражение этого «субъектного» взгляда на всех людей. Общению такого уровня учили нас на коммунарских сборах. Мы называли это по-разному, например, братством, дружеством. Нам показали: такой уровень общения возможен, и ты способен на это. В течение

недели-двух ты был погружен в отношения огромной искренности и доброты, и ничего подобного ни в семье, ни в школе, ни потом на работе у тебя не было. Сбор – это замкнутая территория, лаборатория человеческого общения. Но когда ты знаешь, каким бывает общение, каким оно в принципе может быть – живешь немножко по-другому. С другой меркой. И хотя трактовали (в особенности самые первые коммунары) все, с ними происходящее, как чуть ли не «бросок в коммунизм», на самом-то деле это была лишь открытая демонстрация возможностей человека. Так же как сейчас нас удивляют телепатией, телекинезом и иными парапсихологическими способностями, так Иванов «удивил» нас дремлющими в душах людских способностями к взаимопониманию и доброте. И пусть никто (за исключением душевнобольных) не верит сейчас в возможность наступления коммунизма при жизни нынешнего поколения, способности, «открытые» в нас Ивановым, существуют. И для их «осуществления» не требуется всемирной революции, не требуется даже отдельно взятой страны. Достаточен отдельно взятый человек.

Ричард Соколов, г. Москва:

– Вы, наверно, помните еще со сбора в Луге наш спор с Игорем Петровичем по поводу этого самого розового прекрасного будущего. Этот прогрессизм, идущий от Чернышевского... Мне кажется, там должен быть смысл должествования, будущее должно быть прекрасным, а не пророчества... Так вот, мне уже тогда будущее в нашей стране виделось совсем в обратных красках. Мы в будущем видели, увы, всякого рода социальные кризисы, воспринимая его через проблему отчуждения, о которой теперь стало модно говорить. А «Комсомолка» эту дискуссию подняла в 65-м году, а чем закончила? При социализме отчуждения нет. Так заставили закончить эту дискуссию. Мне очень нравился Игорь Петрович – но мне больше всего вот что не нравилось. Мне казалось, ну ужели такой человек, с таким умом философским и образованием, ужели он не видит, куда нас влечет рок событий, говоря словами поэта. И уже тогда я говорил, что надо готовить ребят

не к светлому коммунистическому завтра, а к жизни в серьезных социальных кризисах и катаклизмах. С этого начались наши споры, и дошло за несколько лет до ссоры и длительного конфликта. Но что показала жизнь? Во-первых (я не торжествую, я, наоборот, скорблю), мой пессимистический прогноз жизнь подтвердила. Единственно, что из моих прогнозов не случилось, атомной войны. Вы можете мне не поверить, но я был готов и пытался готовить детей к жизни даже в период атомной войны. Соответственно, тогда и другая совершенно методика. Одно дело – заботиться друг о друге, о себе как товарище других ребят, членов коллектива, и об окружающей жизни, если мы двигаемся к коммунизму, как Хрущев тогда сказал: «Через 20 лет будет коммунизм», – и совсем другое, если мы прогнозируем серьезные социальные катаклизмы. Вот товарищи из Архангельска не дадут мне соврать, я им письмо прислал в 64-м году на эту самую тему. И там были такие слова: «Неизвестно еще, чье это будет торжество».

И неудивительно были такие слова услышать от Ричарда Соколова – организатора одного из самых первых педагогических отрядов в нашей стране: ведь он и для раннего Иванова был «будущим» – «форпост культуры» начался в самом конце шестидесятых, щёлковский «Орион» – в 68-м году, когда распалось одно из самых крупных коммунарских объединений в Свердловске. Это было уже совсем другое поколение, уже даже не совсем и коммунарское. Другой слой времени.

Вообще на съезде, переходя из комнаты в комнату, можно было как бы переходить из эпохи в эпоху, как будто путешествуешь по археологическому раскопу. Вот выставка плакатов, нарисованных рукой Иванова, кажется – на них еще и краска не высохла, а прошла уже целая эпоха. Вот фотографии, где – присмотришься – и ты увидишь себя самого: такого юного мальчика, с друзьями, а многих уже и на свете нет. Слышны очень знакомые голоса, а подними глаза – увидишь седых людей, лишь отдаленно напоминающих тех.

Надежда Царёва, г. Санкт-Петербург:

– Сейчас такой мир, раньше – двадцать, тридцать лет назад – ведь тоже было нелег-

ко. Возьмите сорок девятый год, который Иванов очень тяжело пережил. Никогда нам этого Игорь Петрович не рассказывал, пока одним субботним вечером с Колымы не приехала очень седая, благообразная дама со своим сыном. И она хотела посмотреть в глаза нашему декану, потому что он был в той самой «тройке», которая ссылала в 49-м году. Так вот Игорь Петрович проскользнул мимо этой Колымы на полмиллиметра. Когда разбиралось его дело, обвинение было вот какое: как смеешь думать ты, когда думает Он? Полвека не прошло.

А когда были легкие времена? Нельзя было думать и за то, что ты думаешь, человек, гомо сапиенс, ты мог оказаться на том свете. Понимаете, меня нисколько не пугает нынешнее время. Что, раньше не воровали? Воровали. Что, при Петре не воровали? (Сафонова: Что, Родину продавали так же? Да что Вы!) Ой, Надежда Игнатьевна, ради бога, продавали. Например, господин Меньшиков великую землю ижорского народа на корню продал шведам, осталось 400 человек этого народа в России, за что Петром был бит, а потом снова признан...

Меня не понимают, ну и что? Татьяна Ларина что говорила? В глуши, в деревне все мне скучно, рассудок мой изнемогает, никто меня не понимает, понимаете, и молча гибнуть я должна. А нас вон сколько. Нам есть с кем разговаривать. С каждым годом нас больше, и наши есть уже и в правительстве, и в разных академиях, и руководим управлениями и городскими и районными в системе образования, и школами, и идея прорастает. Да, народ наш вороватый, лживый, пьющий, низкой культуры, да, для русского народа образование не ценность, и никогда еще не было ценностью. С петровских времён это стало способом занять служебное положение, ну так мы на то и есть, чтобы менять жизнь к лучшему, мы педагогический коллектив, и мы работаем в этой стране, мы часть этого народа, и из этого давайте исходить.

Оптимизм Н. Царёвой ничем, впрочем, не обоснован. Ведь в 1988–89 годах наблюдался на волне перестройки некоторый взлет коммунарской методики, закончившийся

чем? А ничем. Можно ведь и так трактовать – доказала она свою нежизнеспособность в нынешних суровых условиях. Ведь нынче люди не то что «субъектно», а просто нормально не хотят или не могут общаться. Замкнулись в своих кельях и занялись индивидуальным выживанием – и кто их осудит? Идея не то что не «прорастает», наоборот, едва лишь теплится. Были времена – во многих городах горели вечерние коммунарные «огоньки», но и тогда не более 1% ребят подросткового возраста участвовало в движении. Теперь – всего несколько центров, несколько искорок на карте. Да, сборы, слеты и конференции теперь не запрещают: могут энтузиасты иногда собраться вместе, но исключительно за свой счет. А так как цены высокие – не разбежишься.

И не в том ли причина прозябания идей Иванова, что, несмотря на всюду пропагандируемую установку на творчество, коммунарное репродуцируется все так же, повторяя начало шестидесятых? Не в том ли причина, что оно безумно устарело, а обновления, а настоящего творчества – мало? (Я уже писал о «завоевании» коммунарской методикой школ, это важно, но этого мало). Коммунарство уникально в том смысле, что есть люди, способные дать ему новую жизнь, и что называть «предательством идей Иванова» не отказ ли от поисков в том числе и в сфере педагогической философии?

Предстоит, видимо, осуществить важнейшую в истории коммунарсства тонкую «операцию» – отделить «общечеловеческое», значимое сегодня и в реальном, а не в выдуманном и иллюзорном будущем от уз, связывающих с хрущевским периодом, тянущим мысль и практику в болото утопизма. В частности, необходимо отделить от коммунарсства идею построения коммунизма для нынешнего поколения. В результате изменится многое, в том числе, вероятно, само название «педагогическая коммуна» заменится на «педагогическую общину», чтобы убрать ненужные ассоциации. Убежден: чтобы стать важным компонентом модели российской школы следующего тысячелетия, коммунарсство должно деполитизироваться, ибо оно было всегда, по сути, и должно остаться

«педагогической технологией», управляемой лишь педагогической идеологией. Иначе «ивановцев», как и раньше, используют и отбросят, когда станут не нужны.

Дмитрий Лебедев, пионерское движение, г. Москва:

– Как говорится, а кому сейчас легко? Вот и тогда было нелегко... Игорь Петрович шел впереди. И, увы, беда тех, кто идет впереди, очень часто именно в том, что они впереди. Именно на них сыплются шишки. Именно их больше всего бьют. И им больше всего приходится доказывать, что они идут туда, куда надо. Ведь не зря же в середине восьмидесятых, начали говорить об ивановской методике как о чем-то весьма прогрессивном и движущемся вперед. Хотя, я честно вам скажу, не без спекуляции на Игоре Петровиче и том, что он делал. К сожалению, он тогда уже во многом не мог защитить это сам, приходилось его соратникам это делать. Я видел эту спекуляцию, думаю, что и вы видели. Но, тем не менее, парадигма-то была туда, а вот сегодня я бы рискнул сказать, что нам с вами предстоят тяжелые дни, когда нам придется эти идеи отстаивать на контркурсах порой. Хотя вам будут говорить: пожалуйста, отставьте, у нас свобода...

И вот что интересно – если почти что каждое выступление увенчанного титулами седобородого Ричарда Соколова прерывали по разным причинам, то Лебедев сорвал аплодисменты. Хотя какие могли быть «спекуляции» на имени Иванова в конце семидесятых и в восьмидесятые годы, когда о коммунарсстве-то и писал разве что Симон Соловейчик?

Потому «ивановство» не должно быть политизированным? Потому что любое политическое течение носит характер частный, а мы обязаны воспитывать целостного человека, который вырастет, и уж тогда сколько угодно пусть думает, какую принять политическую ориентацию, или, может, не принять никакой. Любый человек общается, любое общение может быть усовершенствовано, следовательно, открытия Иванова – достояние всех людей, а не какого-нибудь передового класса или расы.